

От приземленности до вырождения искусства

10.03.2010 00:00

Розтмеев Ру

Кадри Херкюль, театральный обозреватель

Балет «Коппелия» в постановке Рональда Хинда и «Коппелия» Мауро Бигонзетти, которая ставилась на сцене «Эстонии» в 2002 году, отличаются друг от друга, как день и ночь. Это различие настолько очевидно, что без преувеличений можно сказать: у этих двух постановок нет ничего общего, кроме названия и музыки Лео Делиба.

По сравнению с трагической историей Бигонзетти о кукольных человечках и очеловеченных куклах, творение Хинда является традиционной сказкой о любви. Вместо жутковатого черно-белого оформления первого — эстетика богато украшенного зефирного торта во втором. Вместо экспрессивно-угловатого языка танца — пантомимный балет XIX столетия, местами неожиданно бравурный.

Почему «Коппелия»?

Но о вкусах, как известно, не спорят. Кого-то приводит в восторг пустое пространство Питера Брука, а кому-то и кукла Барби кажется верхом совершенства. Объективности ради стоит, однако, заметить, что декораций в первом и втором актах было явно многовато: деревья, фонтаны, многочисленные здания заполнили и без того небольшое пространство сцены, так что танцоры между ними едва умещались.

На этом месте можно было бы завершить разговор о балете «Коппелия», если бы речь шла просто о новом спектакле в репертуаре театра «Эстония». Но состоявшаяся на прошлой неделе премьера представляет собой нечто большее — это первая постановка Эстонского национального балета.

Почему же выбор пал именно на «Коппелию»?

В программке указываются две причины. Во-первых, именно «Коппелия» стала первой полной постановкой тогда еще полупрофессиональной балетной труппы театра «Эстония» в 1922 году.

Во-вторых, именно «Коппелия» была одной из первых работ, с которой началось восхождение на вершину мастерства нынешнего руководителя Национального балета Тоомаса Эдура и его партнерши Аге Окс.

Кроме того, накануне премьеры пресса писала, что именно «Коппелия» могла бы стать тем произведением, которое знакомит с основами классического музыкального театра и с которого следует начинать приобщать детей к балету.

Все эти доводы вполне уместны, но, к сожалению, недостаточно убедительны. Пантомиму можно отыскать и у Хуго Лаури или Агу Люудика в исполненных ими в свое время ролях, но все-таки тогда они пользовались иными выразительными средствами.

Можно было бы также отметить в «Коппелии» свойственную английской танцевальной школе требовательность к технической стороне танца, однако придется признать, что если солисты со своей задачей справлялись, то в групповых сценах было много оплошностей и небрежности.

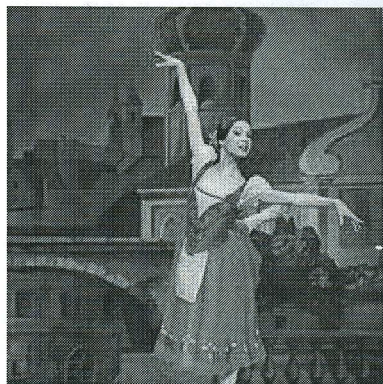
Больше амбиций!

Самые противоречивые чувства вызывает назначенная «Коппелии» роль воспитателя юного

поколения. Конечно, многим молодым барышням понравятся красочные костюмы и сценическое оформление.

Но чему же может научить детей новая постановка «Коппелии»? Тому, что мальчики легкомысленны, а девочки заносчивы и ревнивы? Что театр (или даже сама жизнь?) хоть и сверкает огнями, но на самом деле наполнен бессмысленной пустотой? Неужели это и есть тот посыл и эталон красоты, которые мы хотим привить своим детям?

Экономический кризис диктует свои условия и в сфере культуры: трезвый расчет и хрупкое

Молодая танцовщица Ольга Малиновская, окончившая Московское государственное хореографическое училище, в «Коппелии» исполняет партию Сванильды.

Фото: Харри Роспу

